

Стенограмма судебного заседания от 23.01.2019 года

по делу № 1-37/2018 по обвинению Кристенсена Д. О. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 282.2 УК РФ

Защитник Богданов А.Н.: Сегодня уже по счету 73-е судебное заседание и каждый раз, приходя в этот суд, я обращал внимание на табличку, которая висит на здании. И там надпись: «В этом доме 25—27 сентября 1898 года бывал Лев Николаевич Толстой». Интересно, что именно в этот период времени, когда Лев Толстой бывал в этом здании, где в последующем разместился Железнодорожный суд, который судит моего подзащитного господина Кристенсена,— в этот период времени великий русский писатель Толстой заканчивал написание знаменитого романа «Воскресение», где остро и глубоко обозначил одну проблему, бытующую в царской России, которая была связана со свободой вероисповедания. И он этот конкретный случай описал следующим образом: *«Люди в деревне собирались читать Евангелие, и пришло начальство и разогнало их. Следующее воскресенье опять собрались, тогда позвали урядника, составили акт, и их предали суду. Судебный следователь допрашивал, товарищ прокурор составил обвинительный акт, судебная палата утвердила обвинение, и их предали суду. Товарищ прокурор обвинял, на столе были вещественные доказательства — Евангелие, и их приговорили в ссылку»*. На недоумение героя романа: *«Да неужели существуют законы, по которым можно сослать человека за то, что он вместе с другими читает Евангелие?»* — адвокат той эпохи многозначительно ответил: *«Не только сослать в места не столь отдаленные, но в каторгу, если только будет доказано, что, читая Евангелие, они позволили себе толковать его другим не так, как велено, и потому осуждали тем самым церковное толкование»*.

Прошло 120 лет с тех пор, как Толстой написал роман «Воскресение», но мы видим, что проблема со свободой вероисповедания в современной России стоит все также остро. Перед нами честный добропорядочный человек, подданный Королевства Дании, господин Кристенсен, которого обвиняют до сих пор за то же самое, как и в конце XIX века, только за то, что он читал Евангелие, Библию, с другими людьми. И вся, к сожалению, разница лишь в том, что тогда, в прошлом, 120 лет назад, прокурор просил сослать в ссылку, а сейчас прокурор просит уже сослать в колонию общего режима и сроком на 6 с половиной лет.

И поэтому в самом начале моего выступления я хочу заострить внимание на этом ключевом моменте, что каких бы ни было штампов, клише, в обвинительном заключении, какие бы страшные слова сейчас ни говорил прокурор в своей части прений: «антиконституционная деятельность», «угроза основам безопасности государства, основам конституционного строя», «разжигание розни», подоплека, то есть сам предмет, один и тот же остается — человека судят лишь за то, что он читал и читает до сих пор Библию. Единственно, сейчас ему нет никакой возможности обсуждать ее с другими людьми, в силу того что он сейчас изолирован от этих людей.

[ОБ ОСНОВНЫХ ТЕЗИСАХ ОБВИНЕНИЯ]

И когда я получил копию обвинительного заключения, и в последующем, когда я услышал, как прокурор на стадии начала судебного следствия, а потом и сейчас, сегодня в ходе своих прений излагал само то, что является «преступлением» и пытался объяснить слушающим, почему же все-таки этого человека до сих пор нужно держать в этом стеклянном бронированном аквариуме и почему его все-таки нужно отправить на 6,5 лет в колонию общего режима, я понял, что совершается одна очень серьезная ошибка. Что обвинение сосредоточено на поиске организационного начала в богослужениях Свидетелей Иеговы, а не самой экстремистской деятельности.

Я записывал основные тезисы выступления прокурора, и там были такие слова: «Кристенсен совершил активные действия организационного характера, а именно сбор пожертвований, проповедь, созыв собраний, давал распоряжения другим Свидетелям Иеговы по поводу оплаты коммунальных услуг, уборки помещения», ну и т.д. Не буду сейчас повторять в полном объеме. И когда мы допрашивали свидетелей, мы слышали аналогичные вопросы со стороны прокуроров в адрес свидетелей, которые не важно, кто они, – Свидетели Иеговы или нет, – главное, что они в статусе свидетелей по делу и они были на Железнодорожной, дом 50, где как-раз и проходили богослужения местных Свидетелей Иеговы. У них интересовались прокуроры: «Кто определял тему выступлений? Кто определял правильный дан ответ или неправильный? Кто вынимал пожертвования? Кто организовывал уборку? Кто составлял график уборки? Кто открывал и закрывал калитку? Кто убирал снег во дворе? Делал ли это Кристенсен?». Один раз, когда мы смотрели видеозапись входа в здание по Железнодорожной, дом 50, точнее в калитку, прокурор даже акцентировал внимание «Вот, смотрите, последним выходит Кристенсен, закрывает за собой калитку». Но запрещено ли это все законом? Закрывать калитку, даже на богослужении у Свидетелей Иеговы? Запрещено ли составлять график уборки? Убирать снег? Жертвовать деньги на религиозные нужды, чтобы потом оплатить коммунальные услуги? Не воровать электроэнергию и воду, а оплачивать их, таким образом, которым и обеспечивается нормальная возможность для людей собираться в жилом помещении и обсуждать определенные религиозные тексты, обсуждать то же самое Евангелие? Запрещено ли выступать с религиозными речами на религиозные темы?

Мне в данном случае очень понравился ответ сотрудника ФСБ Азаренко, который, кстати, и формировал, как они говорят, «документировал», путем проведения скрытых оперативно-розыскных мероприятий, то, как проводились богослужения, в том числе и с участием Кристенсена. И мы ему задали вопросы: «Скажите, запрещено ли Свидетелям Иеговы вместе собираться и читать Библию в Орле?» — «Нет». «Распространять свои религиозные убеждения?» Ответ был: «Нет». Хотелось задать вопрос, почему тогда человека судят? Но, конечно, это вопрос не к оперативному сотруднику, а скорее к прокуратуре, которая утвердила обвинительное заключение.

Но сейчас для меня важно, Ваша честь, чтобы вы услышали: то, на что обращает ваше внимание прокуратура, это не предмет доказывания по нашему делу. Потому что доказать нужно факт наличия экстремистской организации, а прокуратура доказывает наличие какой-то некой организованности. В этом словосочетании «экстремистская организация» два слова. Одно страшное, другое привычное. И ключевое слово это «экстремистская». Не просто: вот «организация». «Смотрите, здесь они встали и хором поют песню, а вот здесь посмотрите, они пришли к определенному времени, значит, есть какая-то организация, время то одно, и люди-то с разных частей города вместе в одном месте, поют одну и ту же песню, обсуждают одну и ту же статью, читают один и тот же отрывок из Библии». Да, организованность какая-то есть и как мы слышали многие свидетели, которые выступали, кто являются по вероисповеданию Свидетелями Иеговы, не отрицали, что мы, как они говорили, принадлежим к международной религиозной организации. И слово «организация» подразумевает организованность. Вот только она не имеет никакого отношения к Местной религиозной организации Свидетелей Иеговы «Орел», которую ликвидировал Орловский областной суд в июне 2014 года.

Итак, основной ошибкой обвинения я считаю то, что она ищет некую организованность в порядке проведения богослужения, а не сам подлинно экстремизм. И в данном случае, к сожалению, Ваша честь, вам пытаются навязать следующий стереотип мышления в оценке обстоятельств этого дела. Вот смотрите, Орловский областной суд в июне 2016 года уже постановил, то есть доказывать уже не надо, что Местная религиозная организация Свидетелей Иеговы «Орел» осуществляла экстремистскую деятельность, и потом это судебное решение в октябре 2016 года вступило в силу, когда было оставлено без

изменений Верховным судом. Поэтому экстремизм уже доказывать нам не надо, вот мы смотрим, тут опять Свидетели Иеговы, они опять вместе, то, что они экстремисты, это уже заранее определено судьей Майоровой из Орловского областного суда, а нам только нужно доказать, что это Свидетели Иеговы и что они тут вместе проводят свои богослужения. И эта логика – она не надумана мной, мы слышали ее в ходе допроса стороной обвинения свидетелей как обвинения, так и защиты. Но, главное, эта логика прослеживается в религиозно-экспертной экспертизе, которую назначил следователь и сейчас в прениях тоже прокурор на нее ссылался. Там было всего лишь 2 вопроса. Были переданы видеозаписи богослужений эксперту религиоведу. И один вопрос звучал следующим образом: «Представители какой религии осуществляют действия на соответствующей видеозаписи?» И второй вопрос: «Являются ли эти действия коллективными?» Разумеется, религиовед сказал, что, да, это Свидетели Иеговы. Да, их действия коллективные, ну потому что их больше чем один-два человека, их там много. И в этом и кроется все ядро обвинения, что раз в июне 2016 года навесили ярлык «экстремистов», то, соответственно, все последующее, где они вместе, это тоже все та же самая организация.

[О ФОРМАЛЬНОМ ПОДХОДЕ ОБВИНЕНИЯ]

И вот здесь очень важно разобраться, Ваша честь, так ли это на самом деле. Что запретил делать Орловский областной суд, в чем его поддержал Верховный суд и что на самом деле будет являться продолжением деятельности экстремистской организации? Потому что, например, я хожу в суд не просто защищать, но еще и искать правду. И любой выпускник вуза, может быть, любой, кто учился в школе, знает, что один из первых российских судебныхников назывался «Русская Правда». Так вот, Правда – это одно из названий суда на Руси в древние времена. Суд называли правдой, потому что люди шли судиться, чтобы найти правду. И сейчас очень важно установить эту правду – был ли экстремизм в конкретных действиях данного подсудимого. Потому что очень опасно занимать следующую позицию, которая описана тем же самым Львом Толстым: *«Мы привыкли думать, что прокуратура — это какие-то новые либеральные люди. Они и были когда-то такими, но теперь это совершенно другое. Это чиновники, озабоченные только двадцатым числом. Он получает жалованье, ему нужно побольше, и этим и ограничиваются все его принципы. Он кого хотите будет обвинять, судить, приговаривать»*. Я не хотел бы, чтобы в данном случае, в этом судебном процессе, произошла та же самая ошибка. Чтобы из-за каких-то личных интересов, корпоративных интересов, связанных с...

Государственный обвинитель Фомин И.А.: Ваша честь, у меня может быть даже замечание по прениям, что здесь в отношении органов прокуратуры какие-то высказывания.

Защитник Богданов А.Н.: Я процитировал Льва Толстого. Можете обратиться с иском о признании этой книги экстремистской. Роман «Воскресение». Обратитесь с иском и признайте ее экстремистской.

Государственный обвинитель Фомин И.А.: Нет, после Льва Толстого. Сейчас, корпоративное, высказывание... По сути обвинения, если можно.

Защитник Богданов А.Н.: В Евангелии от Матфея записаны слова Иисуса Христа: *«Ибо каким судом судите, таким будете сами судимы»*. Поэтому если человек предстает перед судом, важно помнить, что от того, как мы отправляем правосудие над ним, в какой-то степени зависит и то, какими мы окажемся людьми. И в связи с этим я хочу обратить внимание, что в целом все обвинение напоминает елочный шарик: блестящее снаружи, но пустое внутри. Много страшных слов, нет каких-то конкретных доказательств.

[ЧТО ПОНИМАТЬ ПОД ПРОДОЛЖЕНИЕМ ПРОТИВОПРАВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЗАПРЕЩЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ]

Итак, теперь я хочу пройтись по конкретным признакам состава преступления. И первое, на что я хочу обратить внимание, Ваша честь, это на разъяснения, которые были даны Верховным судом в знаменитом Постановлении Пленума «О рассмотрении уголовных дел экстремистской направленности», где Верховный суд разъяснил, что же нужно понимать под организацией деятельности экстремистской организации. И здесь он указывает, что под этим следует понимать действия организационного характера, направленные на продолжение или возобновление — противоправной — деятельности запрещенной организации. То есть не любой присущей той организации деятельности, юридическому лицу, которая была ликвидирована, а именно той, запрещенной деятельности, за что она и была ликвидирована. Потому что мы с вами смотрели Устав Местной религиозной организации Свидетелей Иеговы «Орел». Что там написано? Там написано, что цели деятельности достаточно обширно сформулированы. Это проповедь по домам, распространение религии Свидетелей Иеговы, проведение богослужений, собраний Свидетелей Иеговы. И если исходить из такой логики: «Ну вот, смотрите, это в Уставе было, соответственно, тем же самым занимались и подсудимый вместе с совершующими», — то мы нарушим с вами разъяснения Верховного суда. Потому что вся та деятельность, которая прописана в Уставе, она была признана законной вашим коллегой, который в 2001 году обязал, несмотря на яростное сопротивление, я по другому не могу это назвать, местное Управление Минюста по Орловской области, зарегистрировать Местную религиозную организацию Свидетелей Иеговы «Орел», сказав, что все положения Устава соответствуют закону. То есть если мы видим, что что-то из того, что записано в Уставе МРО, было на богослужениях, то это уже преюдициально законно, это уже установлено. Минюст поставил штамп «зарегистрировано», факт регистрации согласно закону является официальным фактом признания государством законности какой-то деятельности, ну и плюс еще есть судебное решение, где прямо записано, что вся уставная деятельность МРО соответствовала закону.

Но за что было ликвидировано МРО? Согласно тексту Решения Орловского областного суда от июня 2016 года и тексту Апелляционного определения Верховного суда от 18 октября 2016 года, «за хранение в целях распространения экстремистских публикаций». То есть вот эта противоправная деятельность, факт которой нужно установить, чтобы сказать: вот экстремистская организация. Не организованность в порядке того, как приходят, уходят с богослужения, а сам экстремизм найти. И вот тогда мы можем сказать, да здесь экстремистская организация. Ни проведение богослужений, ни сбор пожертвований, ни уборка даже помещений, как бы это «страшно» ни было, не являются той запрещенной деятельностью, возобновление которой означало бы факт воссоздания экстремистской организации. Только — и только! — распространение экстремистских публикаций.

[О ДОКАЗАТЕЛЬСТВАХ, СОБРАННЫХ ОБВИНЕНИЕМ]

И здесь я хотел бы обратить внимание на следующие доказательства, которые перечислялись стороной обвинения в подтверждение якобы того, что все-таки экстремизм был. Мы слышали о протоколе обыска, проведенного 25 мая 2017 года по Железнодорожной, дом 50. Многие из присутствующих здесь видели, наверное, видеозапись этого обыска, мы просматривали в судебном заседании. Спасибо, Ваша честь, что вы ее приобщили как относимое доказательство. И мы видели, что к мирно находящимся в здании людям, среди которых большинство женщины и дети, в том числе женщины пожилого возраста, пришло 3 сотрудника ФСБ в статусе следователей, то есть следственная группа, несколько оперативных сотрудников и около 15-20 человек из отряда милиции особого назначения, то есть, по сути, спецназ. Если смотреть на протокол обыска, то это не было обыском в самом помещении, больше обыскивали самих лиц, присутствующих в помещении. И изъяли огромное количество цифровых носителей информации, начиная от телефонов и планшетов, и заканчивая ноутбуками. Забрали те печатные публикации, которые у кого-то имелись в ходе этого богослужения. Все это было осмотрено, в том числе нами, в судебных

заседаниях. И ни разу прокурор не встал и не сказал: «Ваша честь, вот она, та экстремистская литература, та публикация, название такое-то, год издания такой-то, которая ими изучалась в ходе богослужений. Вот это то возобновление экстремистской деятельности, о котором сказал Верховный суд, что ликвидируется только за этот факт». Зато в этом многочисленном улове был, среди прочего, список экстремистских публикаций, который был на стенде в фойе здания, где было извлечение из нескольких тысяч уже внесенных публикаций разных изданий, конфессий и так далее, как экстремистских, извлечение в части публикаций Свидетелей Иеговы. И в ходе последующих допросов мы установили, что этот список публикаций, которые относились к религии Свидетелей Иеговы, которые были признаны экстремистскими, висел лишь с одной целью, чтобы соблюдать этот запрет и не приносить эти публикации на богослужения.

Было проведено целых 6 компьютерно-технических экспертиз и основной вопрос был — это найти электронные версии различных печатных изданий, брошюры, какие-то бюллетени, книги, чтобы посмотреть, есть ли там какие-то экстремистские публикации. И мы с вами больше 10, насколько я помню, судебных заседаний посвятили тому, чтобы исследовать результаты этих компьютерно-технических экспертиз. Но вместо экстремистских публикаций — а сторона защиты не поленилась, запросила Минюст практически по каждой публикации, которая была найдена либо в ходе обыска, либо на цифровых носителях информации у обысканных,— каждая из них не внесена в список экстремистских материалов, как минимум на вменяемый период по состоянию на 25 мая 2017 года. Зато мы с вами все могли видеть, как много брошюр примерно со следующими названиями, я перечислю их лишь часть: «Как найти путь к примирению?», «Придет ли конец коррупции?», «Почему так много страданий? Когда это закончится?», «Насилию в семье придет конец», «Защитите себя от преступников», «Мир без предубеждений. Когда?», «Подражайте Иисусу в смирении и сострадании», «Улаживайте разногласия в духе любви» и «Продолжайте проявлять братскую любовь». Я бы очень хотел, Ваша честь, в вашем судебном приговоре найти ответ, можно ли совершать экстремистские действия, используя литературу такой тематики. Можете воспринимать это как мое ходатайство.

[ОБ «ЭКСТРЕМИСТСКОЙ» ЛИТЕРАТУРЕ]

И хотя, как я уже упомянул, в ходе обысков не было добыто каких-либо улик, указывающих на то, что верующие на своих богослужениях использовали экстремистские материалы, наоборот, были получены доказательства обратного, что они принимали меры для недопущения этого, я не могу все равно не коснуться этой темы.

В принципе, в основе каждого дела Свидетелей Иеговы, сейчас уголовного, лежит экстремистская литература. То есть вначале были признаны отдельные публикации экстремистскими материалами, потом они были подброшены отдельным религиозным объединениям, юридическим лицам, а потом уже, когда они были на этом основании ликвидированы, дальнейшая атака пошла на обычных верующих граждан, которые исповедуют религию Свидетелей Иеговы. То есть литература – это вот основа, все начиналось с этого. И я могу прямо сказать, что экстремистская литература, которая относится к числу изданных Свидетелями Иеговы, на самом деле она не имеет ничего общего с тем, с чем должен бороться закон «О противодействии экстремистской деятельности».

Для примера я хочу коснуться того случая, который мы с вами смогли увидеть в рамках этого дела на одном из судебных заседаний. Было приобщено решение Заводского районного суда Кемерово, которым, среди прочего, была признана экстремистским материалом книга «Библия. Слово Бога или человека?» И хорошо, что следователь не поленился, он не только это судебное решение истребовал из суда, но еще истребовал экспертизу, со ссылкой на которую суд признал книгу «Библия. Слово Бога или человека?» экстремистским

материалом. И суд сам не читал эту книгу, он лишь процитировал в своем решении, что в этой книге есть разжигание религиозной розни. А когда мы вместе с вами, Ваша честь, обратили внимание на экспертизу, на которой был основан этот вывод, мы увидели, что небезызвестный эксперт Осадчий религиозную рознь увидел в фактах упоминания зверств и жестокости римско-католической средневековой инквизиции. И в этом он увидел умаление католичества, и, как посчитал, тем самым разжигается ненависть к нему. Хотя Иоанн Павел II в 1982 году, то есть почти за 30 лет до этого, публично извинился за преступления инквизиции. А господин Осадчий спустя 30 лет, всё равно видит факты экстремизма и разжигания розни и ненависти в том, что описываются исторические события, которые образуют не самую приятную часть человеческой истории.

Также и с «Переводом Нового мира» — с переводом Библии, который был выполнен Свидетелями Иеговы. Данный перевод Библии был признан экстремистским материалом, сейчас это дело на рассмотрении Европейского суда, но интересно, что послужило толчком к этому. Поводом к этому послужила проведенная госпожой Крюковой, учителем математики, лингвистическая экспертиза, в которой не было указано никаких оснований, почему «Перевод Нового мира» не является Библией, и не было ответа на то, какие же конкретные признаки экстремизма, в каких конкретных словах в этой книге она считает не соответствующими требованиям закона. И единственный довод, который она заявила, это то, что этот перевод был выполнен без получения благословения московского патриарха. Вот так человек отвечает, вот таким образом он оценивает и видит действительность. Поэтому, это к вопросу о роли экспертного исследования в судебном процессе, эксперт — это не какой-то оракул или провидец, которому можно отправить дело, и он его рассмотрит и скажет: «Да, вот здесь ненависть, вот вражда». Взгляд эксперта — это не основание для того, чтобы каждому из нас закрыть собственные уши, закрыть собственные глаза и отключить собственный разум. Вне зависимости от того что говорил эксперт, в этом деле или в другом, нужно самим исследовать суть вопроса. Я к этому еще вернусь.

Не найдя доказательств наличия экстремистских публикаций на богослужении в результатах обыска, сторона обвинения не оставила своих попыток доказать этот факт. И сейчас, когда выступала прокуратура, мы слышали, как приводился, по сути, перечень, без раскрытия содержания, свидетелей, которые были допрошены и которые дали показания. Вот мы слышали, например, показания Кузнецова. Правда, они были раскрыты в редакции следствия. То есть Кузнецова допросил следователь ФСБ, и господин прокурор изложил то, что сказал Кузнецов на следствии. Я поэтому и возражал, потому что в судебном заседании он дал совершенно другие показания, а ходатайство прокуратуры об оглашении протокола, составленного следователем, было вами отклонено. Несмотря на это, прокурор всё равно ссылается на эти неисследованные доказательства.

[О СЕКРЕТНОМ СВИДЕТЕЛЕ ПОД ПСЕВДОНИМОМ ЕРМОЛОВ]

Так же и с «Ермоловым». Когда воспроизводились его показания, господин прокурор опять-таки зачитывал то, как они приведены в обвинительном заключении. А в обвинительном заключении опять протокол допроса на следствии, который в этом судебном заседании также не оглашался. И господин «Ермолов», безусловно, в судебном заседании сказал другое, существенно другое, не то, что записал следователь. Потому что на следствии следователь пишет то, что ему нужно, чтобы человека посадить в этот «аквариум». А люди, когда их допрашивают в суде, говорят то, как они действительно что-то видели, знают или понимают. И поэтому я перейду сейчас непосредственно к части показаний отдельных свидетелей, которые были даны именно в суде. Но мы уже слышали фамилию Банщиковой, это Свидетель Иеговы, и как раз вот прокурор спрашивал ее: «В собрании вам кто-то говорил, в том числе Кристенсен, не использовать запрещенную литературу?». «Да, конечно говорили», — это ответ Банщиковой. Я здесь без интерпретаций привожу показания, я конкретно их цитирую, слово в слово. Дальше: «Конкретно от Кристенсена приходилось вам

слышать о литературе, признанной экстремистской?». Ответ Банщиковой: «Он говорил, посмотрите, там список висит» (это как раз то, что было изъято в ходе обыска), «и мы шли, смотрели, что нужно от нее избавиться. Её не нужно приносить и вообще дома иметь». «А распространять?»,— был следующий вопрос задан. «Нет, конечно, ни в коем случае». По поводу электронных публикаций, которые могли бы быть экстремистскими или не могли, были они на цифровых носителях информации электронные публикации, признанные экстремистскими, или не были. СКТЭ, то есть компьютерная экспертиза не нашла таких. Но всё равно вопросы задавались, и один из них я хочу сейчас вам огласить. Это наш коллега защитник Женков спросил: «Скажите, пожалуйста, использовались ли на богослужениях по улице Железнодорожная, 50 электронные версии публикаций, признанных экстремистскими?». И ответ Банщиковой: «Нет, конечно. Такого не было». Здесь я не могу не отдать должного вашей проницательности, Ваша честь, потому что вы задали очень тонкий и умный вопрос, но уже другому свидетелю, Романовой: «На собрании были случаи обсуждения запрещенной литературы под другим названием?». То есть запретили литературу, поменяли обложку и всё, ту же запрещенную с другим названием обсуждают. И ответ Романовой: «Нет». Подобный вопрос также задавался свидетелю Чернецовой: «Скажите, пожалуйста, на богослужениях по Железнодорожной, использовались ли вами публикации, в том числе при обсуждении и изучении, которые внесены в список экстремистских материалов?». «Нет. Такого никогда не было».

Что же сказал господин «Ермолов»? Это особый свидетель обвинения, который допрошен нами лишь с пятой попытки, потому что все предыдущие четыре попытки ввиду тех или иных оснований или тех или других причин не повлекли для нас возможности его допросить. То ФСБ его не доставило, то доставило, но почему-то он оказался не готовым к допросу, то судебным департаментом выделенная аппаратура, изменяющая голос, работала не так, как нужно. Но всё-таки, когда мы его допросили, господин «Ермолов» получил вопрос со стороны господина Фомина, государственного обвинителя, и он был следующим: «Алексей Петрович, скажите, пожалуйста. Вот отвечали на вопрос про литературу, которая была признана экстремистской. У меня следующий вопрос, то есть, более подробный: после 18 октября 2016 года видели или нет данную литературу в помещении? После запрета данной организации? И по данному вопросу что-либо высказывал подсудимый Кристенсен после 18 октября?» Привожу как цитату, вот как было сказано, так было мной записано, в том числе и диктофоном. И ответ «Ермолова», как он был дан в заседании: «Я слышал высказывания в духе, что литература была запрещена властями, и, в общем-то, как мера принудительная. Однако же Кристенсен следил за тем, чтобы литература эта ни в коем случае не появлялась в помещении, в Зале Царства». То есть это здание по Железнодорожной дом 50. Следующий вопрос уже задал другой прокурор, госпожа Наумова, тому же «Ермолову»: «А скажите, пожалуйста, вы говорили, что вначале, когда начали посещать эти богослужения, литературу видели. А вот в том числе и запрещенную, экстремистскую литературу?». И ответ Ермолова: «Я не имел возможности сопоставить литературу, которую видел, со списком запрещенной экстремистской литературы».

Интересно, как отвечает этот человек, когда на нем нет этой маски «Ермолов Алексей Петрович», выдуманной следователем, видимо, из патриотических соображений в память о русском полковнике, который завоёвывал Кавказ. Его, как нам известно, и это было подтверждено стороной защиты и подсудимым, настоящее имя Курдюмов Олег Геннадиевич и он преподаватель Орловского государственного университета. И в ходе беседы в кафе с моим подзащитным, с господином Кристенсеном, он следующим образом говорил о литературе запрещенной, экстремистской, в ходе обсуждения этой тематики: «Я, конечно, не видел эту литературу запрещенную». Это было сказано 16 мая 2017 года, то есть уже в самом конце предъявленного обвинением временного периода. То есть человек не видел. В принципе он тоже самое сказал и под своим псевдонимом. Но здесь эти показания, согласитесь, они более убедительные. Почему? А потому что мы не просто так просили вас всё-таки раскрыть, официально раскрыть, хоть мы и знаем, но официально раскрыть

информацию об этом человеке, и очно его допросить. Почему? Казалось бы, какая разница, если человек в другом кабинете, он точно также с помощью специальной аппаратуры пусть и измененным голосом может отвечать на вопросы, слышать вопросы, давать ответы. Но когда человек присутствует в самом зале судебного заседания, его видят в лицо, он не спрятан под псевдонимом и под какой-то маской, это серьезные факторы, которые позволяют и содействуют честности человека. Потому что с маской на лице и из другой комнаты с закрытой дверью обмануть гораздо проще, чем когда ты смотришь участникам процесса и в том числе моему подзащитному Кристенсену в глаза. Я бы вообще очень хотел бы, чтобы когда-нибудь господин Курдюмов посмотрел в глаза этому человеку, которого он помог подвергнуть незаконному преследованию.

[О ЧЕМ СВИДЕТЕЛЬСТВУЮТ СКРЫТЫЕ ВИДЕОЗАПИСИ БОГОСЛУЖЕНИЙ]

Итак, мы определились и увидели, что самих фактов использования экстремистских материалов, да и вообще фактов их физического наличия на богослужениях, не было подтверждено ни в ходе допросов свидетелей, как со стороны защиты, так и со стороны обвинения, ни в ходе обысков, которые были проведены по нескольким адресам, в том числе и в самом богослужебном здании. Но есть еще одно доказательство, и сторона обвинения считает его ключевым для своих целей, а сторона защиты считает его ключевым для своих целей. Это видеозаписи богослужений от 19 февраля 2017 года и от 26 февраля 2017 года. Если бы действительно там обсуждали какие-либо экстремистские публикации, то уже давно прокурор или следователь в протоколе осмотра или оперативный сотрудник, выделив жирным курсивом, написал бы: «Вот смотрите, они изучают книгу под названием... Вот на такой-то минуте аудио-, видеозаписи произносятся из неё слова. Вот здесь она читается, вот здесь она так-то комментируется». Но этого ничего не было, а мы с вами услышали и увидели, что 19 и 26 февраля 2017 года верующие обсуждают статьи из брошюры «Мы были освобождены от греха по незаслуженной доброте», а 25 мая 2017 года они обсуждали Библию исходя из той последовательности и графика, который был составлен в так называемой рабочей тетради «Наша христианская жизнь и служение» за май 2017 года. И моя коллега, госпожа Красникова, не поленилась, запросила Минюст по этим публикациям, и позавчера на стадии дополнения следствия она приобщила ответ Минюста, что эти публикации не находятся в списке экстремистских материалов. Соответственно, верующие выполняли требования решения Орловского областного суда, который ликвидировал Местную религиозную организацию Свидетелей Иеговы «Орел».

Да, помимо публикаций были еще речи-проповеди. 19 февраля 2017 года звучала речь-проповедь «Иегова – защита для своего народа», а 26 февраля того же года речь под названием «Будьте мужественны, полагаясь на Иегову». Они тоже не в списке экстремистских материалов. И, ответ Минюста на запрос также в деле есть. Существенно, что эти речи в любом случае не были произнесены Кристенсеном. И в ходе дачи показаний, как отдельными свидетелями, так и подсудимым, мы узнали, что, согласно практике Свидетелей Иеговы, любой верующий, который считает нужным обратиться к аудитории с речью-проповедью, он составляет её сам. Есть некий план, который определяется всемирной международной организацией Свидетелей Иеговы, но конкретное содержание этой речи формулирует каждый отдельный выступающий. И другие присутствующие, в том числе Кристенсен, не знают, о чем будет говорить данный человек. Это мы всё с вами видели. Интересно, какая была дана оценка этим двум речам-проповедям дипломированным лингвистом, кандидатом филологических наук Иваненко: «Тематика текстов этих речей далека от сфер практического действия, в которых можно проявлять насилие и агрессию. Тексты обращены к сфере духовного поиска, нравственного самосовершенствования. В текстах не поднимаются вопросы противостояния каких-либо сил, кроме отвлеченного противостояния добра и зла, не связанных с какими-либо конкретными группами людей. Во всех исследованных материалах (речь идет об этих проповедях) выражается идеология ненасилия. Жестокость и агрессия представлены страшным злом этого мира». И конечно,

как уже упоминал прокурор, была выполнена лингвистическая экспертиза этих речей-проповедей, которая установила в каждой из этих речей наличие негативных высказываний в отношении лиц, объединенных (эксперт взяла в кавычки) в «этот мир», в «безбожный мир», или в «не относящиеся к Свидетелям Иеговы». И мы уже обращали внимание, что «негативные высказывания» — не признак экстремизма. Допрошенная в судебном заседании лингвист Иваненко (которую суд видел и допрашивал, в отличие от эксперта Рыжиковой, которую вы не видели и не задавали вопросов с целью проверки её умозаключений) пояснила, что сама формулировка о наличии «негативных высказываний», которая определена следователем и поставлена перед экспертом, она очень коварна, потому что «негатив» — это очень широкое понятие. «Я верю правильно, ты не правильно» – уже негативное высказывание плюс ещё выражение преимущества, потому что я прав, а вы не правы. «Я знаю какую-то сферу лучше, а вы знаете хуже. Кто-то разбирается в юриспруденции лучше, кто-то хуже, уже негатив и высказывание преимущества». Поэтому, конечно, мы понимали, когда просили следователя отвести эти вопросы, что они не только не имеют какого-то юридического наполнения и, по сути, абсолютно бессмысленны для выявления речевых признаков экстремистской деятельности, мы понимали, что они не являются какой-то невинной ошибкой, они являются результатом злого умысла. Следователь не поставил вопрос: «А есть ли там выражение агрессии или призывы к насилию?» Он понимал, что ответ будет «Нет». Поэтому он поставил максимально широко вопрос, сформулировав о наличии выражения преимущества или выражения какого-либо негативного отношения. А если совсем досконально разбираться, этот «негатив» и «высказывание преимущества» эксперт нашла в высказываниях, являющихся, по сути, цитированием Священных текстов о том, что «Бог уничтожит нечестивых» («Вот негативное отношение к нечестивым!») и «Бог уничтожит злой мир» («Вот негативное отношение к злему миру!»). Ведь она ж так и в итоговых выводах и говорит «негативное высказывание в отношении группы лиц под названием „этот мир“ или „этот безбожный мир“», причем берет в кавычки. Сам факт постановки слов в кавычки означает, что это не существующая категория, абстрактное понятие. Нет людей, которые били бы себя в грудь и говорили: «Я — безбожный мир, я часть безбожного мира» Вот у нас группа людей, вот наш транспарант». Это, безусловно, чистая профанация, то есть не соответствует действительности, и Иваненко обратила внимание на эту методологическую ошибку, допущенную экспертом.

[О ЗАПИСЯХ ТЕЛЕФОННОЙ ПРОСЛУШКИ И ФАЛЬСИФИКАЦИЯХ]

Давайте теперь подумаем о том, как ведут себя участники процесса, когда не подозревают о том, что их ФСБ скрыто разрабатывает, пишет их телефоны, записывает их богослужения, провоцирует их с помощью внедренного агента «Курдюмова-Ермолова». Я хочу представить на ваш суд, ваша честь, несколько телефонных разговоров. Один из них состоялся 24 марта 2017 года между Кристенсеном Деннисом и Кристенсеном Йессом, это отец этого человека. И согласно тому, как описал этот разговор следователь в материалах дела, Кристенсен, якобы, говорит о следующем: «Когда полиция приходит к нам на богослужения, а лежат книги, которые объявлены экстремистскими, и производят обыск и находят книги, и дальше мы не можем полагаться на правовую систему». Следователь вот таким образом воспроизвел в результате прослушивания с переводчиком этот фрагмент телефонного разговора отца и сына, как будто бы на богослужении есть экстремистские книги. Но в заседании 30 июля в процессе многократных прослушиваний установлена ошибочность изложенного перевода и сам переводчик Усков этот факт подтвердил, что речь идет о том, что, когда (исходя из слов Кристенсена) у них проходят богослужения, то к ним приходит полиция и сама приносит публикации, объявленные экстремистскими, сама их кладет, то есть подбрасывает, и сама находит, то именно поэтому они не могут больше полагаться на правовую систему. Когда правовая система или те, кто должен её защищать, преступает закон, полагаться не на кого. На свои кулаки можно, допустим, на бейсбольную битую, но эти

люди не такие, они полагаются на Бога и ждут, конечно, справедливости от вас в судебном приговоре.

Следующий разговор, он уже не телефонный, но не менее интересный, состоялся 16 мая 2017 года. И Курдюмов в кафе, разговаривая с Кристенсеном, затрагивал шаг за шагом основные вопросы, ожидая конечно, что где-то Кристенсен допустит какой-то прокол, что-то скажет, что можно будет использовано против него в последующем, когда будут избирать меру пресечения, подвергать уголовному преследованию. Допустит прокол не потому, что оговорится, сказав правду, а то, что скажет как-то так, что можно будет истолковать не в его пользу. Но Кристенсен был честен, и когда Курдюмов задал ему вопрос: «А в запрещенной литературе что было то? То есть, везде это разрешено и только у нас запрещено? А как из ситуации-то выходить? Совсем переставать пользоваться литературой или совет какой-то есть?» И Кристенсен отвечает: «Эта литература (речь о запрещенной) распространяется во всем мире. Только не здесь. Но нам-то и не нужно особо. Библия есть. В принципе, там всё есть». И вот интересно, как следователи и оперативные работники этот фрагмент разговора воспроизвели и описали в материалах дела. Если Кристенсен сказал «эта литература распространяется во всем мире, только не здесь», то оперативные сотрудники и следователи переставили частицу «не». Она была после слова «только», а они поставили перед. И получилось: «Эта литература распространяется во всем мире, не только здесь». То есть если изначально Кристенсен говорил «везде, но не у нас в России», то получилось «и во всём мире? и у нас тоже». И в принципе, вот эти вот уже две очевидные, я не буду их называть фальсификациями, я их назову мягко — недобросовестной работой со стороны обвинения на стадии следствия. Они уже в целом показывают, какими нитками шито это уголовное дело.

Что говорили, например, другие участники уголовного дела в статусе свидетелей об экстремистской литературе? Вот упоминалась фамилия Мельника Владимира Васильевича, бывшего председателя Местной религиозной организации Свидетелей Иеговы «Орел». Он дал очень убедительные показания, по-моему, в пяти или шести судебных заседаниях. В моей практике это первый случай, когда так долго человека допрашивают. И в материалах дела есть телефонный разговор. Я не знаю, действительно ли он принадлежит Мельнику Владимиру Васильевичу, но с точки зрения протокола осмотра, прослушивания этого разговора, как обозначил следователь, якобы, это с его телефонного номера и разговор, якобы, с Приходько Дмитрием. И здесь, как указывает следователь в протоколе прослушивания этого телефонного разговора, лицо, обозначенное им как Мельник, сообщает, говоря об обыске, проведенном в его жилище: «Я тоже возражения написал, что мне было заявлено выдать экстремистские материалы, но так как экстремистских нет, я, естественно, ничего и не мог выдать, а всё остальное не входит в запрещенную литературу, а это обычная, нормальная литература».

Таким образом, Ваша честь, ни в ходе обысков, ни в ходе допросов, ни в ходе прослушивания телефонных или разговоров в кафе не было получено доказательств того, что верующие нарушали решение Орловского областного суда, используя публикации, признанные экстремистскими материалами. Наоборот, подтвержден факт обратного.

[О ЯКОБЫ ОРГАНИЗУЮЩЕЙ РОЛИ КРИСТЕНСЕНА]

Я уже говорил, что сторона обвинения сфокусировалась не на доказывании экстремизма, а на доказывании организующей роли Кристенсена. Давайте коротко разберемся с этим.

Итак, по поводу роли Кристенсена на богослужении. Я сейчас приведу вам фрагмент допроса все того же сотрудника УФСБ Азаренко. Я ссылаюсь на него не потому, что мне больше не на что сослаться, а потому что из сотрудников УФСБ только он один наблюдал за тем, что проходило на богослужениях. И не кто иной, как именно он мог сказать, а кто же там всем

руководил. И сторона защиты задала оперуполномоченному УФСБ Азаренко следующий вопрос: «Когда вы отвечали на вопросы прокурора о проведении оперативно-разыскного мероприятия, наблюдения 19 февраля 2017 года по адресу Железнодорожная, дом 50, вы сообщили последовательность проведения богослужения, что ведущий объявил о речи, которую произнесет брат Дмитрий, и после речи ведущий пригласил человека, брата Денниса на сцену». И мы задали вопрос: «Вы устанавливали личность этого ведущего?». Оперуполномоченный УФСБ ответил: «Лично я – нет». Мы спросили: «А был ли этим ведущим Деннис Кристенсен?» Оперуполномоченный Азаренко ответил: «Нет».

И по богослужению от 26 февраля 2017 года мы повторили вопрос: «Был ли ведущим богослужения Кристенсен?» Ответ был точно такой же: «Нет, это не Кристенсен». Итак, если ведущим богослужения не был Кристенсен, почему же Кристенсен там самый главный?

Мы не хотим сейчас переложить ответственность, сказав: «Вот все было плохо, но знаете, это не он». Все было хорошо, экстремизма не было. Но раз уж прокуратура углубляется разобраться, кто там главный, то давайте разбираться, что был еще какой-то ведущий. И в ходе допросов свидетелей и самого подсудимого мы установили очевидный факт – что на богослужениях Свидетелей Иеговы разные верующие могут поделиться своими мыслями и выступить. И от этого они не становятся главными, организаторами, духовными гуру и лидерами.

Мы также с вами разобрались в ходе исследования вещественных доказательств в том числе с предъявлением их подсудимому и свидетелям, что сама программа каждого богослужения печатается Руководящим советом Свидетелей Иеговы в следующих изданиях: это брошюра для изучения Свидетелей Иеговы, где публикуются статьи для обсуждения на каждую неделю, прямо написано – год, месяц, число. И брошюра «Наша христианская жизнь и служение» на каждый месяц, где также на каждую неделю есть программа богослужения, что за чем идет, какой стих читается, какая песня исполняется, какие библейские отрывки обсуждаются. И как объяснял сам подсудимый, и его показания подтверждаются содержанием перечисленной мною литературы, как поясняли нам, в том числе допрошенные свидетели в судебном заседании, что в принципе организовывать ничего и не надо по той причине, что уже есть это расписание на каждую неделю.

Что тут странного, что у религиозного течения, у Свидетелей Иеговы, есть свой руководящий, канонический орган. Но никого же не удивляет, что у мусульман России есть совет муфтиев, никого не удивляет, что у католиков есть папа римский и совет кардиналов, что есть синод и патриарх у православных. Ну, пусть у Свидетелей Иеговы будет Руководящий совет — их религиозный канонический орган, который печатает эту литературу. Что в этом страшного? До сих пор мы не получили на это ответа.

Заканчивая с объективной стороной преступления... (для присутствующих хочу пояснить, что объективная сторона — это само действие, за которое законом предусмотрена ответственность; объективная сторона данного состава преступления, который вменяется Кристенсену – это конкретные факты экстремистской деятельности, не организация «чего-то», а прежде всего конкретные факты экстремизма: литературу ли читает экстремистскую, призывает ли какого-то человека пойти совершить насилие над другим, потому что он другой религии) я хочу коротко упомянуть, о том, что в ходе своих прений прокурор еще раз сослался, к моему сожалению, на «Российскую газету» от 19 октября 2016 года, где была следующая заметка: «Верховный суд РФ запретил секту. Свидетелей закрыли». И, по мнению прокурора, это являлось официальным опубликованием информации о ликвидации МРО Свидетелей Иеговы «Орел». Почему вообще это важно, чтобы мы все понимали? По одной простой причине: Пленум Верховного суда сказал, что лицо может быть привлечено к уголовной ответственности за преступление не ранее даты официального опубликования

сведений о признании соответствующей религиозной организации экстремистской и запрете ее деятельности.

И мы хотим обратить внимание суда еще раз на следующий факт, что официальные публикации не осуществляются в саркастической манере: «закрыли секту», «запретили Свидетелей». Официальное опубликование это просто факты. И тем более без ссылки на имя корреспондента Владимира Полетаева. И я хочу напомнить, что мы представляли запрос в издание «Российской газеты» и ответ на него, согласно которого официальная публикация произошла существенно позже, а именно 19 января 2017 года. Эта дата тоже укладывается в период обвинения предъявленного Кристенсену, но что здесь важно установить? Как был обозначен текст публикации? Я его сейчас дословно воспроизведу, мы его приобщали: «Дополнение в перечень общественных объединений и религиозных организаций и иных некоммерческих организаций, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации и запрете деятельности», и дальше: «МРО Свидетелей Иеговы «Орел». Что не так с этой публикацией? Вроде бы все написали и «МРО «Орел» и «запрещена деятельность» и «ликвидирована», но Верховный суд говорит, что необходимо, чтобы были официально опубликованы сведения о признании ее экстремистской. Так вот в этой публикации не указано, что эта религиозная организация признана экстремистской, написано просто «ликвидирована». Это может быть просто юридическая формальность и, безусловно, это не говорит, что мы хотим сейчас за какую-то тростинку цепляться, нет.

Основной момент, на который делает сторона защиты упор, что конкретных действий, связанных с экстремизмом, в действиях Кристенсена не было. Литературу не читали экстремистскую, призывов к насилию, к агрессии, к розни, к ненависти, к вражде тоже не допускали. Но коль скоро прокурор, среди прочего, этот момент в публикации в «Российской газете» обозначил, я считаю нужным тоже обозначить это в своих прениях, потому что это ошибка.

[О СУБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И МОТИВАХ]

Хочу коснуться теперь субъективной стороны преступления. Субъективная – это внутреннее отношение человека к тому, что он сделал. И как Пленум нам разъясняет, преступления экстремистской направленности совершаются только с прямым умыслом и, согласно ч. 2 ст. 25 УК, прямой умысел заключается в следующем: «лицо, которое совершает преступление, осознает общественную опасность своих действий, то есть понимает: то, как он действует — это крайне опасно, предвидит возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий (держит это в голове) и желает их наступления».

Вот давайте посмотрим, какое было внутренне отношение господина Кристенсена к тому, что он читал Евангелие и другие публикации на богослужении? Здесь я начну не с конкретных цитат, которые имели место на богослужении, а немножко с другого. В марте-апреле 2017 года Свидетели Иеговы по всему миру направляли письма в адрес различных правительственных учреждений России, где выражали свою обеспокоенность судебным процессом по ликвидации «Управленческого центра Свидетелей Иеговы в России». Вот семья Кристенсен, Ирина Александровна и Деннис Оле были среди них. Они тоже писали, среди прочих, генеральному прокурору России Чайке. Где они говорили (есть копия письма, приобщена к материалам дела): «Позвольте нам, а также 175 000 Свидетелям Иеговы в России и дальше поклоняться Богу свободно и с радостью». То есть речь шла о поклонении Богу совместно с другими Свидетелями Иеговы.

Ваша честь, видели ли вы в ходе своей обширной судебной практики хоть одного преступника, который бы писал генеральному прокурору о том, что он считал бы преступлением? А вот Кристенсен пишет: «Я Свидетель Иеговы, и моя жена тоже, и мы вместе с другими исповедуем эту религию». Пишет генеральному прокурору Чайке. Каково

отношение человека к этим действиям? Как к общественно опасным и преступным? На этот вопрос нужно будет ответить вам в ходе вынесения приговора.

Телефонный разговор, который состоялся между Кристенсенем и человеком, обозначенным следователем как Донской А.А. Очень интересный отрывок, считаю необходимым произнести:

Собеседник: «Слушай, второй вопрос: вот в связи со всеми этими... Как, мы можем официально собраться, нет, завтра?» Подчеркну, телефонный разговор 21 апреля 2017 года, то есть на следующий день после ликвидации «Управленческого центра Свидетелей Иеговы в России». Кристенсен: «Я думаю да. Я честно сказать не знаю... Звонил мне и сказал что он все, он организовал, что там есть мешки». Кристенсен тогда думал, что речь идет о субботнике, который тогда параллельно намечался. Собеседник Донской поправляет: «Нет, я имею в виду, что завтра у нас будет же богослужение». Кристенсен: «А-а, вечером ты имеешь в виду?» Собеседник: «Да, богослужение же будет завтра»? И что говорит Кристенсен? Его внутреннее отношение к действиям по участию в богослужении: «Я думаю, да, почему нет. Значит... мы-то не связаны с юристом, поэтому пусть приходят, все снимаем, все будем обжаловать». Какое отношение у человека к своим действиям? Дальше: «Поэтому я уверен, что вы встречаетесь в субботу, а мы в воскресенье с утра, мы религиозная группа, мы не связаны с МРО или Управленческим центром». Собеседник Донской: «Нет, ну да, это понятно». И Кристенсен: «Конституция 28 дает нам возможность поделиться, разговаривать».

Какое отношение к своим действиям прослеживается у Кристенсена в данном случае? Любой преступник не стал бы даже обсуждать это по телефону. А человек обсуждает открыто по телефону, во вменяемый период, намерение пойти на богослужение, прямо выражает свою уверенность, что его действия находятся в рамках закона и, более того, защищаются этим законом.

Следующий телефонный разговор состоялся между собеседниками (как их обозначил следователь) Бондаренко Валерием и Мельником Владимиром. Не проводилось фоноскопических экспертиз, не было показаний этих участников телефонного разговора, что это они действительно говорили. Но следователь выставляет, что так оно и было. И пусть. Мы даже не будем это оспаривать, для нас это безразлично, но интересно содержание того разговора.

Напомню, Бондаренко Валерий и Мельник Владимир раньше были участниками МРО Свидетелей Иеговы «Орел». И разговаривая 26 мая 2017 года, это после ночи, в ходе которой были проведены обыски, Валерий Бондаренко говорит Мельнику Владимиру, как это обозначает следователь: «Ну, правильно, они обвинили, что Деннис организатор, а я курьер. Смотри как, у меня новая должность появилась». Владимир Мельник: «Курьер чего?» Валерий Бондаренко: «Курьер чего-то, ну, наверное, литературы, курьер литературы. Ну, да, вот так вот». Владимир Мельник: «Ну, это понятно. У них там бред сумасшедшего, потому что они там написали, что Деннис член МРО вообще». Валерий: «Член МРО? Деннис?». Владимир: «Да, да! В постановлении так и написано». (Видимо имеется в виду постановление об обыске.) Валерий: «Все, все, понял. Фальсификация продолжается дальше».

И здесь интересно обратить внимание, что этот телефонный разговор был скрыт следователем. То есть он был достаточно длинным, около 10 или даже 15 минут, но следователь описал только его отрывок, который не включал этого фрагмента. Мы уже, когда слушали в ходе судебных заседаний, установили, что речь была, в том числе и об этом. Но следователь это опустил. Почему? Потому что из разговора собеседников было очевидно,

что Деннис не является членом МРО, а подобные формулировки следователя — это фальсификация.

Вот смотрите еще пример, как относились верующие к тому, что они делали. Считали ли они свою деятельность продолжением деятельности МРО и считали ли они свою деятельность преступлением?

Здесь же, говоря о внутреннем отношении подсудимого к своим действиям по участию в богослужениях Свидетелей Иеговы, я хочу обратить внимание суда, что понимание другими верующими того, можно или нельзя проводить богослужения после ликвидации Местной религиозной организации Свидетелей Иеговы «Орёл», не является каким-то обязательным для профессионального судьи. Почему я об этом говорю? Ну как мы увидели, помимо Кристенсена на богослужении было ещё около ста человек, т.е. каждый из них точно так же понимал, что вместе собираться, обсуждать Библию, религиозные тексты Свидетелям Иеговы можно. Но если вдруг где-то в двадцати томах этого уголовного дела вы увидите какой-то допрос или какую-то телефонную прослушку, что кто-то говорит, что «вот нельзя собираться», это его личное мнение. Оно не является каким-то установленным фактом. Ну, человек воспринял так. Потому что люди же по-разному всё воспринимают. Вот, допустим, прокурор воспринимает факт прекращения богослужений после 25 мая 2017 г. по Железнодорожная д. 50 как доказательство того, что в действительности там нельзя было собираться. И когда допрашивали свидетелей, задавали вопрос: «А почему же вы после 25 мая 2017 г. перестали там собираться?» И подоплёка вопроса была следующая. Ну, вот если бы вы считали, что там можно собираться, вы и после этой облавы нескольких накачанных мужиков с оружием и дальше бы продолжали бы там проводить свои богослужения. Но мне понравилось, как большинство Свидетелей ответили на этот вопрос: «Знаете, это было уже не безопасно», т.е. люди просто боялись. Если людей за законные действия разгоняют, то это ни в коем случае не означает, что они считают себя преступниками, если они больше там не появляются. Это, скорее, говорит о том, что люди благоразумные и берегут своё здоровье, свою жизнь.

Теперь коснусь ключевого момента для установления субъективной стороны, т.е. внутреннего отношения Кристенсена к своим действиям. Это мотив. Что такое мотив? Это побуждение, которое двигает человеком, когда он совершает какой-то поступок. И в уголовном праве понятие мотива является ключевым. Не только потому, что формально в УПК написано: в предмет доказывания по уголовному делу входят мотивы подсудимого. Оно ещё в ряде случаев является разграничителем одних преступлений от других. Ну, вот возьмём, к примеру, на улице человек бьёт другого человека. Является ли он экстремистом? Может быть, его цель забрать его имущество, сотовый телефон. Тогда мотив корыстный и он грабитель или разбойник, в зависимости от того, являлось ли насилие опасным для жизни и здоровья. Всё будет разграничиваться по мотиву. Хотел обогатиться – это преступление против собственности. Хотел выразить неуважение к общественному порядку, к обществу в целом – он будет хулиганом. А вот если он его ударил за то, что он думает по-другому, другой религии, других политических убеждений, или он выглядит по-другому, другой цвет кожи, разрез глаз? Если мотивом определённого действия является только мысли другого человек – то, как он думает или то, как он выглядит, вот это есть экстремизм. То есть всё антиэкстремистское законодательство направлено на то, чтобы научить людей уважать свободу выбора и свободу мысли другого человека. Всё антиэкстремистское законодательство для того и создано, чтобы гарантировать людям свободу убеждений, а не как в данном случае — запретить им иметь свои убеждения. И что касается мотивов, то экстремистские преступления, как указано и в Уголовном кодексе и в Постановлении пленума Верховного суда: «Под мотивом ненависти и вражды необходимо понимать высказывания, в которых обосновывается, утверждается необходимость геноцида, массовых репрессий, депортаций и совершение иных противоправных действий к лицам в зависимости от их расы, религии, национальности» и так далее. И здесь очень

интересно, т.е. мотив ненависти вражды, который обязательно нужно установить, чтобы сказать, что человек совершил экстремистское преступление, выражается в таких очевидно злых и очевидно всегда имеющих яркое выражение действиях как это геноцид, призыв к геноциду, депортации, применение насилия или призывы к применению насилия. И в данном случае не могу не вспомнить слова Иисуса Христа из того же Евангелия от Матфея: *«Как вы можете говорить доброе, будучи злы, ибо от избытка сердца говорят уста»* (Синодальный перевод). То есть то, что в сердце человека, его желание, его мотив, он всегда будет вовне, в его словах. И в данном случае г-ну Кристенсену вменяются действия, якобы как преступные, которые имеют словесный, или, как говорят, вербальный характер. Если бы у него был бы мотив ненависти и вражды, это проявилось бы рано или поздно в его телефонных переговорах, в его словах на богослужениях Свидетелей Иеговы. Но что там было, давайте вспомним. Большой объём, я не буду всё цитировать, несколько блоков.

19 февраля 2017 года. Обсуждение статьи «Возложите все свои беспокойства на Иегову». Верующие зачитывают следующий отрывок: *«Любовь, радость, мир. Если вы стараетесь относиться к людям с уважением, вы наверняка обнаружите, что испытываете меньше отрицательных эмоций. Почему можно так сказать? Проявляя к другим братскую любовь, нежные чувства, оказывая им честь, вы избежите ситуации, которая может стать причиной беспокойства. Кротость, самообладание. Подумайте, насколько мудро проявлять эти качества. Благодаря им вы, скорее всего, не станете делать того, что в итоге лишит вас покоя и в вашей жизни не будет места злобе, гневу, ярости, крику, оскорбительной речи».*

Как видим, содержание публикации, которую обсуждали верующие, прямо противоположно тем признакам ненависти и вражды, которые сформулировал и выделил Верховный суд. Но возникает вопрос: может быть это зачитали, а обсудили по-другому. Давайте посмотрим, как обсуждали этот и другие фрагменты отдельные верующие. Нельзя установить их имён, будем называть так: «женский голос». И вот один из фрагментов обсуждения: «Во-первых, мы сами будем источником любви и радости для других, а значит, уже беспокойства не могут одолевать нас. Во-вторых, мы не будем бояться людей, что они причинят нам какую-то боль. Мы будем любить их, уважать и это будет защитой для нас. Мы будем только позитив от себя другим дарить». Ещё один женский голос дал следующий комментарий в ходе обсуждения, проводившегося на богослужении: «Чтобы предотвратить проблемы и трудности, сохранять мирные отношения, мы читаем в Библии: “Будьте друг к другу добры, глубоко сострадательны, прощайте друг друга великодушно”». И можно было бы продолжить это цитирование, но тогда бы ушло бы слишком много времени. Но я уверен, что вы, Ваша честь, помните, как сторона защиты обращала Ваше внимание на многочисленные фрагменты видеозаписи, где было зафиксировано обсуждение этой статьи, где были все другие в такой же канве комментарии и подобное обсуждение.

26 февраля 2017 года. Речь-проповедь. Не буду полностью воспроизводить, конечно, её, это полчаса текста. Но чем она завершена была, какими словами? «Как бы к нам ни относились власти, чиновники, мы не будем сжимать кулаки. Мы будем продолжать оставаться мирными, послушными людьми. Должны помнить, что освящение принадлежит Иегове. Мы будем прилагать все усилия, чтобы вести тихую мирную жизнь». И когда мы допрашивали лингвиста Иваненко, мы задали вопрос: «О чём говорит тот факт, что эти слова помещены в самый конец речи проповеди?» И вот что она ответила: «В конце всегда говорится самое главное, в конце говорится то, что должно быть воспринято на сто процентов, то, с чем человек должен уйти после разговора», и привела пример: «Когда нужно было кому-то революцию организовать, последней фразой было – «Вперёд, на Зимний!». А в данном случае: «Не сжимать кулаки, оставаться мирными послушными людьми, вести тихую и мирную жизнь». Где ненависть, вражда в том её понимании, как описывает это Пленум? Ответьте, пожалуйста, на этот вопрос в вашем приговоре, Ваша честь.

Итак, напомню, что мы говорили о том, что такое мотив. Внутреннее побуждение, почему человек делает, совершает определённые действия. И сейчас мы рассмотрели с вами конкретные примеры, о чём говорили, к чему побуждали себя верующие на богослужении, в том числе и Кристенсен. Всё это мир, доброта. И в целом всё находится в рамках, установленных законом. И когда я слушал выступления в прениях прокурора, я услышал несколько другое. Там, правда, не приводились, как мной, конкретные цитаты. То есть с цитатой не поспоришь, как сказали, так записали, так сейчас прочитали. Там приводилась интерпретация, и опять приводились показания Курдюмова, приводились показания свидетеля Кирюшиной, которая раньше посещала богослужения Свидетелей Иеговы, но перестала это делать. Что они, якобы, сообщали, что там есть много негатива в отношении к другим людям, что они плохо относятся к людям, которые исповедуют другую религию. Но так ли это на самом деле? Давайте послушаем, какой был вопрос задан прокурором Наумовой свидетелю Кирюшиной: «Скажите пожалуйста, на этих вот собраниях руководители Кристенсен, Мельник, они что-то говорили о государственном устройстве, о каких-то мерах противодействия ему?» И ответ Кирюшиной, вот как он прозвучал дословно: «Они просто говорили, если придут к нам из полиции, ну тогда ещё из милиции, то обязательно вежливо их принять: по какому вопросу? И если вы нас задержите, то тогда указывайте норму закона, на основании чего. Они очень вежливые, они никогда ни с кем не ссорятся, всегда так улыбаются». Где какие-то признаки возбуждения ненависти, вражды, какой-то агрессии и призывов к этому?

[СНОВА О РАЗГОВОРЕ С СЕКРЕТНЫМ СВИДЕТЕЛЕМ]

Что касается «Ермолова». Сторона защиты задала ему вопрос: «Чувствовал ли он какую-либо опасность со стороны людей, когда приходил на богослужения Свидетелей Иеговы в Орле, где и присутствовал Кристенсен?». И вот короткий ответ: «Нет, не чувствовал». А уже под своим настоящим именем Олег Курдюмов в разговоре с Кристенсеном в кафе следующим образом отзывался о богослужениях Свидетелей Иеговы, которые до этого посещал: «Чувствую, не хватает чего-то. Работа — дом, работа — дом, это хорошо, но вот... А здесь пришёл — и какая-то атмосфера очень доброжелательная, просто приятно находиться». И дальше: «Замечательно, как-то смотрю, опять же и молодые, и старые совсем бабушки сидят, все вместе, как-то всё доброжелательно, все на равных, т.е. нет помпезности». И дальше: «В православный храм зайдёшь, там бабушки тебе столько всего тебе скажут „приятного“, с какой ноги правильно зайти, как правильно что делать и как-то ещё». Я полностью процитировал, то, что говорил Курдюмов. И что интересно ответил Кристенсен: «Рано или поздно всё раскроется, будем делать добро и дальше». Вот внутреннее побуждение человека: делать добро.

[ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ВЫВОДЫ]

Если сказать честно, то ситуация, которая возникла в отношении Свидетелей Иеговы в России, мне напоминает события 1991 года, когда в ноябре президент Ельцин издал указ № 169 «О деятельности КПСС и коммунистической партии РСФСР». И там был такой постулат: «Деятельность этих структур (КПСС) носила явный антинародный, антиконституционный характер, было прямо связано с разжиганием среди народов страны религиозной, социальной и национальной розни, посягательством на основополагающий признанный всем международным сообществом права и свободы человека и гражданина». Выражаясь современной юридической терминологией – ликвидировать партию, не важно какое-то другое объединение за разжигание национальной, социальной и религиозной розни, это значит ликвидировать по экстремистским основаниям т.е. фактически признать экстремистским объединением. И возникает вопрос, а после 1991 года, когда был этот издан указ президентом Ельциным, был ли посажен кто-то в тюрьму или привлечён к уголовной ответственности за то, что он продолжал исповедовать коммунистическую идеологию, допустим, писал диссертацию по Марксу, Энгельсу или Ленину, брал в школьной библиотеке

труды Ильича, обсуждал на лавочке с другими людьми какие-то заветы Ильича или коммунистические идеи, другую терминологию, относящуюся к данной политической тематике? Нет. А почему? Потому что был пункт второй в указе президента Ельцина: «Государственным органам, в том числе органам прокуратуры, исключить преследование граждан РСФСР за факт принадлежности к КПСС». Вот такая формулировка. Хочу обратить ваше внимание, что подобная формулировка есть и в судебном решении о ликвидации Местной религиозной организации Свидетелей Иеговы «Орёл», а именно в Апелляционном определении Верховного суда от 18 октября 2016 года: «Права участников МРО на свободу вероисповедания не будут нарушены, так как они не лишаются возможности осуществления самостоятельного отправления религиозных культов, не связанного с распространением религиозной литературы экстремистского содержания». Та же самая формулировка, суть которой – исключить преследование Свидетелей Иеговы за факт принадлежности к этой религии, если они не используют экстремистскую литературу.

И в завершение хочу вернуться к тому, с чего я уже начинал, что люди приходят в суд искать правду. И правда — это не всегда простое слово. Допустим, на суде над Иисусом Христом Пилат многозначительно сказал: «Что такое истина?», т.е. что такое правда? И он не хотел получать ответа на свой вопрос. Мне стало интересно то, как прокурор интерпретировал показания некоторых свидетелей, в частности свидетеля Мельника, показания подсудимого Кристенсена, других свидетелей, которые давали объяснения в суде. Формулировка была следующая. В той части показаний, в которой они согласуются с позицией обвинения, ну что были богослужения в Орле после октября шестнадцатого года, что был на них Кристенсен, что Кристенсен исповедует религию Свидетелей Иеговы, это всё допустимо, этому верить нужно, это правда. А вот в остальной части, в которой это не соответствует предъявленному обвинению, когда речь идёт о том, что верующие не МРО, что не было экстремистской литературы,— этому не верьте, потому что они Свидетели Иеговы. То есть одному мы должны верить, когда говорит этот человек то, что прокурор считает выгодным для него, для его позиции, а когда он говорит другое, что уже не так нравится прокурору, мы ему верить не должны. На мой взгляд, вот такая субъективная «правда» не допустима, когда то, что мне выгодно - это правда, а всё, что расходится с моей точкой зрения – это ложь.

И сейчас я хочу обозначить исключительную важность Вашего судебного решения, приговора, Ваша честь, для многих Свидетелей Иеговы в России. Не только для тех, кто уже столкнулся с преследованиями, но кто, может быть, ещё с ними столкнётся. Потому что ваше судебное решение, ваш приговор будет своего рода прецедентом, на который будут опираться и работники следствия, и прокуратура, и другие судьи, вынося решения по аналогичным делам, где так же людей судят за веру. И Свидетелей Иеговы в России не много, но и не мало, это 175 тысяч человек. Это, может быть, где-то половина или 40 процентов от численности города Орла. И важно помнить, на мой взгляд, что люди входят в историю, вообще запоминаются исходя из того, какие они принимали решения. Как в отношении себя, так и в отношении других. Допустим, Понтий Пилат, о котором я упоминал, принял решение в отношении другого человека и мы его запомнили определённым образом.

В завершении своей речи я хочу вам процитировать слова, которые прозвучали 11 декабря 2018 года на заседании Совета по развитию гражданского общества и правам человека при президенте России. Цитирую: «Свидетели Иеговы тоже христиане, за что их преследовать, я тоже не очень понимаю». Это слова сказал президент Владимир Владимирович Путин. Я искренне надеюсь, Ваша честь, что вы разделите вместе с президентом недоумение по поводу уголовного преследования Свидетелей Иеговы и отразите это в своём оправдательном приговоре. Спасибо.